

Мир науки. Социология, филология, культурология <https://sfk-mn.ru>
World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies

2024, Том 15, № 4 / 2024, Vol. 15, Iss. 4 <https://sfk-mn.ru/issue-4-2024.html>

URL статьи: <https://sfk-mn.ru/PDF/03FLSK424.pdf>

DOI: 10.15862/03FLSK424 (<https://doi.org/10.15862/03FLSK424>)

5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

Ссылка для цитирования этой статьи:

Иванов, А. О. Военная демократия — поэзия, слава и происхождение славян / А. О. Иванов // Мир науки.

Социология, филология, культурология. — 2024. — Т. 15. — № 4. — URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/03FLSK424.pdf>

DOI: 10.15862/03FLSK424

For citation:

Ivanov A.O. Military democracy — poetry, glory and origin of the Slavs. *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*. 2024;15(4): 03FLSK424. Available at: <https://sfk-mn.ru/PDF/03FLSK424.pdf>. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: 10.15862/03FLSK424

УДК 94

Иванов Алексей Олегович

Независимый исследователь
E-mail: lesha-ivanov@yandex.ru

Военная демократия — поэзия, слава и происхождение славян

Аннотация. Мы исследуем типологические параллели в социумах, пребывающих в состоянии военной демократии. Первое, на что мы обращаем внимание, — образование социальной группы поэтов, восхваляющих подвиги воинов своего коллектива. Говорить на поэтических глоссах становится престижным и это, судя по арабскому, древнегреческому, древнеиндийским пракритам и др., фактически приводит к созданию нового языка. Также мы анализируем один из основных терминов, употребляющихся в хвалебных глоссах индоевропейской поэтики — полисемантическую лексему «слава». Центральный пункт наших рассуждений — обоснование происхождения этнонима «славяне» от этой лексемы. Кроме очевидной омофонии этих слов мы рассматриваем ряд лингвистических факторов и исторических источников, свидетельствующих о наличии славяноязычных народностей в окружении гуннов и остроготов. Мы приводим аргументы, что до середины V в. термином «слава» обозначался язык, на котором праславянские коллективы разговаривали внутри себя и друг с другом. Распад державы гуннов после смерти Атилы в 453 г., войны за его наследство и уход остроготов из Паннонской долины в 470 г. привели к тому, что праславяне, участвующие в войнах на стороне гуннов и остроготов и в хозяйственном обеспечении их войск, обрели этническую самостоятельность как «славены», т. е. «люди славы». Становление славянской военной демократии привело к изменению семантики этого этнонима с формально лингвистической на хвалебно-героическую. Также мы касаемся вопроса о славянской идентичности и показываем, что отдельные славяноязычные социумы узнали о том, что они славяне, только после обретения письменности.

Ключевые слова: военная демократия; слава; праславяне; гунны; остроготы; славяне; идентичность

Введение

Во второй половине XIX в. американский этнограф Л.Г. Морган обобщил свои наблюдения над североамериканскими индейцами за всю известную к этому времени историю человечества и предложил название одного из этапов развития социума — «Military democracy». ¹ Перефразируя его идеи своими словами (не все положения Моргана прошли проверку временем), сформулируем тезис, что в какой-то момент, на стадии перехода социума от варварства к цивилизации, обычная трудовая мотивация, характерная для первобытных коллективов с экономикой, балансирующей на грани выживания, может перестать работать. Стандартные рациональные экономические идеалы работы на благо своей семьи, своей общины, своего этноса подменяются идеалами ксенофобии, убийств и грабежей соседей, происходит героизация оружия и военных походов. Эту концепцию подхватил Ф. Энгельс, она попала в марксистские каноны и в стандартные понятия западной социологии.

Историческая канва здесь чрезвычайно многообразна. ² Сам автор этого термина («Military democracy»), Л.Г. Морган, относил к военной демократии войны древнегреческих полисов эпохи ранних василевсов [1, с. 144] и начало римской экспансии во время «периода царей» [1, с. 182] VIII–V вв. до н.э. Континентальные кельты, сменив в V в. до н.э. археологическую культуру Гальштат на культуру Ла-Тен, так и остались в состоянии военной демократии вплоть ³ до своего исчезновения с политической арены в середине I в. до н.э. Про обычаи германцев конца I в. н.э. Тацит писал: «*И гораздо труднее убедить их распахать поле и ждать целый год урожая, чем склонить сразиться с врагом и претерпеть раны; больше того, по их представлениям, потом добывать то, что может быть приобретено кровью, — леность и малодушие*» [Тацит, Germania §14]. Градус межклановых и межплеменных убийств, грабежей и кровной мести у бедуинов Аравийского полуострова к началу VII в. стал настолько высок, что понадобилось разработать специальный кодекс поведения — *ислам*, «покорность». Скандинавы, осуществив внутреннюю колонизацию (вендельский период) и отточив боевое мастерство в бесконечных внутренних схватках, продемонстрировали западно- и восточноевропейскому люду свои навыки в период движения норманнов-викингов.

---

¹ «Дух управления и состояние народа гармонируют с учреждениями, при которых он живет. Где господствует военный дух, как это было у ацтеков, там естественным путем при родовых учреждениях возникает военная демократия» [1, с. 125].

² В рамках настоящей работы мы анализируем только ранние стадии развития общества при переходе от первобытности и варварства к цивилизации. Источники дарят нам многочисленные примеры возникновения типологически близких к военной демократии идеалов и шаблонов поведения отдельных социальных групп в относительно развитых обществах. Из отечественной истории можно вспомнить, что в XV–XVIII веках татарская молодежь Крымской и Ногайской орды, сбившись в конные отряды и вооружившись сыромятными ремнями, устраивала облавы на восточных славян и владов, продавая ясырь, т. е. захваченных пленных, на турецких рынках. В этот же самый период времени их сверстники, запорожские и донские казаки, сбившись в ватаги, сплавились на эскадрах плоскодонок-чаек и грабили прибрежные татарские и турецкие города. Можно упомянуть героизацию воровства и грабежей в современных криминальных сообществах (латиноамериканские наркокартели, триада и якудза юго-восточной Азии, субкультура «воров в законе» в СССР и России и т. д.). Несмотря на сходство социально-психологических механизмов с военной демократией в смысле Л. Моргана, эти явления нами не рассматриваются.

³ Кельты в III–II вв. до н.э. создали сеть ремесленно-товарообменных поселений, многие из которых впоследствии превратились в европейские города (Медиоланум → совр. Милан, Лугдунум → совр. Лион, Сингидунум → совр. Белград и т. д.). Формально, с позиций латинской лексики (слова с корнем *civī** имеют семантику «городской, гражданский», отсюда само понятие цивилизация) это говорит о наличии ранних форм кельтской цивилизации. Но практикуемые кельтской аристократией воинственность и ксенофобия как единственно приемлемые нормы поведения не позволяют говорить о цивилизации, а классифицируют состояние кельтских коллективов как военную демократию.

Как правило, грабежи в рамках военной демократии совершаются не от нищеты, не от отсутствия средств к существованию, когда отъем имущества соседа — единственный путь к выживанию, напротив, военные походы имеют существенный риск окончиться неудачей, и социум, посылающий дружину за добычей, должен быть готов прокормить неудачливых дружинников и снарядить их в следующий поход. Состояние военной демократии возникает в обществах с устойчивой экономикой и с зачатками социально-классового расслоения, т. е. производительность труда уже обеспечивает относительно стабильное существование основной массы социума и позволяет содержать прослойку вождей, жрецов и профессиональных воинов.⁴ Таким образом, добыча не является императивом и самоцелью для военной демократии. Целью является именно слава, авторитет героев и удачливых воинов, а добыча служит материальным доказательством доблести и подвигов богатырей. Добычу можно использовать в хозяйстве, можно раздарить дружинникам и членам социума⁵, а можно демонстративно уничтожить⁶ или принести в жертву богам.

1. Поэзия

Поскольку основные ценности военной демократии лежат не в материальной, а в культурно-ментальной плоскости, вокруг всего комплекса понятий, которые с ней связаны (походы, подвиги, герои, оружие и т. д.), создается медийное пространство. Восхваление подвигов приобретает ритм, силлабическую гармонию и рифму, появляется социальная группа поэтов (др. греч. ποιητής, лат. *poet*⁷, кельт. *filid*⁸, сканд. *skald*, араб. *shaeir*). Содержание их творчества «виртуализируется» и отрывается от описания исторически конкретных военных походов, появляются эпические поэмы об «обобщенных» походах и эпические «обобщенные» герои, в чьи уста вкладываются идеи⁹, отражающие доминирующие взгляды социумов того времени.

⁴ Византийский император Маврикий, описывая нравы склавинов и антов, терзавших империю на рубеже VI–VII вв., отмечает, что попытки ромейских войск зайти им в тыл и атаковать их деревни, как правило, проваливались. Тут же появлялись «отчаянные юноши, <...> используя подходящий момент, скрытно нападают на стратиотов» [2, с. 377]. Это фраза свидетельствует о том, что раннеславянская экономика могла содержать не только тех бойцов, которые шли грабить Византию, но и арьергард, охраняющий тыловые базы.

⁵ Точка зрения, почерпнутая из грабежей средневековья и Нового Времени, что именно добыча является основной мотивацией солдат, вряд ли применима к периоду военной демократии. Основные битвы происходили между соседними коллективами, находящимися в относительно ранней стадии развития, и бойцы имели бы больший доход, если бы не ходили в военные походы, а занимались бы производительной экономикой. Грабежи богатых социумов (например, походы авар и славян на Византию), имели другую проблему — добычу надо было доставить в целостности и сохранности в родные деревни за сотни километров по пересеченной местности, что часто было физически невозможно.

⁶ Наверное, самый яркий пример уничтожения добычи описан в песне про Стеньку Разина, принадлежащей поэту середины XIX в. Дмитрию Садовникову и стилизованной под народный фольклор. Как только дружина усомнилась в сохранении лидерских качеств своего атамана после проведенной им ночи с захваченной персидской княжной, как княжна сразу выкидывается в «набежавшую волну». Не важно, есть ли у этой легенды реальный исторический контекст, тем более что бунты казаков не относятся к военной демократии, важен моралистический посыл — добыча ничто по сравнению с авторитетом. Исторический пример уничтожения славянами добычи из цитаты Прокопия Кесарийского середины VI в. — см. ниже сноску #38.

⁷ Все говорит о том, что в латыни самостоятельного термина для восхвалителей походов римских войск не было, термин был позаимствован в древнегреческом языке после покорения Греции в середине II в. до н.э.

⁸ О взаимоотношениях понятий «друиды», «филиды», «барды» и других древнеирландских названий поэтов, а также об этимологии слова «филид» [3, с. 3–30].

⁹ Например, гомеровский Ахиллес, олицетворяя идеалы военной демократии своей поры, готов променять реальную жизнь на славу: «... говорил Ахиллес быстроногий <...> если останусь я здесь, перед градом троянским сражаться, — нет возвращения мне, но слава моя не погибнет. Если же в дом возвращусь я, в любезную землю родную, слава моя погибнет, но будет мой век долголетен...» [Илиада, 9:305,410, перевод Н. Гнедича].

Разумеется, образование и развитие такого культурно-медийного пласта новых понятий отражается на выразительных свойствах языков социумов. Возникают новые разделы лексики, связанные с войнами¹⁰, развивается аппарат синонимов и эпитетов, в некоторых языках тропы и метафоры усложнились настолько¹¹, что зачастую правильно понимать поэтические тексты могли только посвященные люди. Попав в прокрустово ложе ритмики и рифмы, которое удлиняло и укорачивало слова, фонетика, морфология и просодия разговорного языка достаточно сильно видоизменяются в поэтических глоссах.

Специфика именно состояния военной демократии состояла в том, что эти поэтические глоссы становились культурной доминантой, разговаривать на них было престижно, и, в соответствии с общими правилами социолингвистики, хвалебно-поэтические лексика, новые фонетика, морфология и просодия активно проникали в простонародные говоры.

Разумеется, в различных социумах эти процессы протекали со своими различиями. На аравийском полуострове доисламская поэзия стала, по выражению А.Г. Беловой, экстралингвистическим фактором, поэты декламировали стихи и проводили свои соревнования на «сезонных ярмарках в торговых и священных местах Аравии <...> и в княжеских дворцах...» [8, с. 20]. На сегодняшний день среди арабистов существует консенсус в том, что единый наддиалектный арабский язык был сформирован за несколько десятилетий до появления Корана¹², который его использовал и канонизировал. Напротив, язык поэзии филидов был заперт в достаточно узкой социальной группе королей, чьи подвиги и чьи генеалогии описывали филиды, их придворных и самих филидов [3, с. 73]. По-видимому, на формирование народного ирландского языка достаточно специфические обороты древнеирландских поэм особого влияния не оказали.

Древнегреческий язык состоялся на базе эпосов о борьбе за торговые пути в Эгейском море (Илиада), колонизации Черного моря (Золотое руно) и центральной части Средиземного моря (Одиссея). Древнеиндийские поэмы Махабхарата и Рамаяна отражают колонизацию носителями индоарийских диалектов северного и южного Индостана соответственно. Санскрит, на котором они написаны, превратился из языка молитв и песнопений достаточно узкой социальной группы жрецов-брахманов в разговорные пракриты, основу всех современных языков Индии и соседних стран — хинди в Индии, урду в Пакистане, сингальский в Шри-Ланке, бенгальский в Бангладеш и т. д.

---

¹⁰ Согласно сборнику дописанных преданий «Айам ал-араб» («Дни арабов»), в архаичных названиях календарных месяцев в северо- и южноаравийских диалектах V–VI вв. есть закономерность — месяцы делятся на те, в которые производятся набеги и угон скота и те, в течение которых набеги не практикуются, [4, с. 315–317]. Культ мародерства и некрофилии четко виден в доисламской поэзии, например лирический герой поэмы «Песнь пустыни» ставит себе в заслугу массовые убийства «...Я вдовил жен и сиротил детей...» [5, с. 243]. В «Книге песен» (Китаб аль-Агани) биографии поэтов доисламской и Омеядской эпох наполнены описаниями убийств и грабежей (6, с. 29–136).

¹¹ И.Ю. Крачевский, анализируя арабскую касиду — композиционную форму, возникшую в доисламское время, перечисляет некоторые ее стандартные метафоры: пятнистый, короткошерстый (=леопард), гривастая, хромая (=гиена), блестящий, белый (=меч), длинный, желтый (=лук), трудящиеся (=ноги). Далее академик добавляет: При такой системе нужна особая догадливость и начитанность, чтобы определить, о ком говорит поэт; не представляет чего-либо исключительного случай с итальянским ученым, который перевел как описание морского набега на галерах один отрывок с рассказом о ночном пути на верблюдах [5, с. 253]. Еще более разнообразную фразеологию эпитетов демонстрирует скальдическая поэзия, основанная на употреблении хейти (однословные поэтические синонимы, напр. ветер — буря, дуновение, попутный, шумящий и т. д.) и кеннингов (дву- и многословные метафоры, вепрь волн — корабль, волк пчёл — медведь, буря мечей — битва, яшень битвы — воин и т. д.), см. [7].

¹² Первые письменные памятники, отражающие язык VI–VII вв., представляют язык, характеризующийся сложившейся фонологической системой, регулярной морфологической системой, устойчивым синтаксическим строем и богатой лексикой. <...> ...сложилась форма языка, имеющего статус и функции наддиалектного: единая фонетическая и грамматическая система, исключая диалектные отклонения от сложившейся нормы [9, с. 7].

Разумеется, далеко не каждый сборник народных песен свидетельствует о том, что социум находится в состоянии военной демократии. Старофранцузский цикл *Chanson de Geste* повествует о деяниях каролингских рыцарей в период «высокого средневековья». Финский эпос «Калевала», скомпилированный Э. Лёнротом из фольклорных песен в первой половине XIX в.¹³, свидетельствует об анимистических верованиях и шаманских практиках карело-саамского субстрата окрестностей Белого моря.

2. Слава

Одним из самых ярких и характеристичных понятий военной демократии является термин «слава». Тот факт, что это понятие представляет собой кентум-сатемную изоглоссу¹⁴, уже говорит о его важности и востребованности в индоевропейской лексике. В гимнографических и моралистических текстах Ригведы и Авесты это слово употребляется несколько сотен раз. Весь пафос Илиады строится на отношении главных героев к этому понятию: если Ахиллес, как уже упоминалось выше, сознательно отдает жизнь за *ἐὐκλείας*, «добрую, хорошую славу», то его антагонист Агамемнон, напротив, боится *δυσκλέα* — «бесславия, бесчестия, позора». ¹⁵ В древнеирландских поэмах часто употребляются устойчивые сочетания *fochlu* и *sochlu* — «добрая слава».

Обращает на себя внимание, что термин «слава» полисемантичен и принадлежит к нескольким семантическим группам.

- В большинстве современных случаев этот термин употребляется с сильным положительным экзальтированным эмоциональным зарядом как синоним понятий «хвала», «почет», «уважение».
- Вторая семантическая группа — «молва, слухи, общественное мнение, репутация». Здесь можно сослаться на стандартное русское идиоматическое выражение «этот славен тем-то, а тот другим». Эта семантическая группа явно древнее первой — об этом, например, говорит то, что греческое слово *κλέος*, имеющее в поэмах Гомера именно эту семантику, эмоционально нейтрально. Для получения эмоционального эффекта использовались префиксы — *ἐὐκλείας* «доблесть, хорошая слава», *δυσκλέα* «позор, дурная слава».
- И третья, по-видимому, самая архаичная семантическая группа, связана с восприятием устной речи. В сатемных языках можно привести в качестве примера славянские слова на *sl** (слух, слышать)¹⁶ и их древнеиндийские аналоги на *sr** — *śrava*, *śruti*, *śrotra* в значении «ухо, слух». В кентумной ветви можно

¹³ «...«Калевала» ни в коем случае не является, как часто полагали, старой поэмой, разрозненные фрагменты которой Лёнрот нашел снова и соединил...» [10, s. 59]. Лёнрот скомпилировал в этом цикле народные песни, посвященные земледельческому циклу, свадьбе, рождению ребенка, похоронам и т. д. Также были добавлены песни-сказки, песни-заклинания и песни, посвященные описаниям явлений природы, Часть рун Лёнрот сочинил самостоятельно, стилизовав их под народные напевы [10, s. 124, 139].

¹⁴ В сатемной ветви — общеславянское *слава/slava/slawa*, литовское *šlovė*, латышское *slava*, авест. *sravahi*, др. инд. *śravas*; в кентумной ветви — др. греч. *κλέος*, др. ирл. *clu/clue*, лат. *cluere, clueo* в значении «именовать», «слыть».

¹⁵ Достаточно большой набор примеров из Авесты, Ригведы, Гомеровского эпоса, текстов Софокла, Эсхила, Еврипида и др. (*aksiti sravah* ↔ *αφοίτων κλέος* — «неувядающая слава», *prthū sravah* ↔ *κλέος ευρύ* — «общеизвестная слава» и т. д.) приведен в исследовании [11, s. 61–102].

¹⁶ белор. *слых, слухаць*; болг. *слух, слушане*; босн. *slušanje, slušanje*; луж. *nasłyšec, słychać*; макед. *слушање, слушање*; польск. *słyszanie, słuchanie*; серб. *слушање, слушање*; словац. *počúvanie, počúvanie*; словен. *poslušanje, poslušanje*; укр. *слух, слухати*; хорв. *slušanje, slušanje*; чеш. *slyšet, poslouchat*.

упомянуть древнегреческое понятие κλύω (слышать, внимать)¹⁷ и древнеирландские слова *clucu* (ухо) и *clof* (слух).¹⁸

Отсюда вырисовывается достаточно логичная картина эволюции семантики понятия «слава» в индоевропейских языках. Если на ранних стадиях им обозначали информацию, передаваемую и воспринимаемую через устную речь, то по мере развития социумов, по мере их перехода в состояние военной демократии, по мере возникновения спроса на поэтизацию и героизацию подвигов, оно вошло в первую семантическую группу с современным значением.

Несмотря на то, что в индоевропейской¹⁹ поэзии понятие «слава» является одним из центральных, в германских языках и скальдической поэзии оно не употребляется в своей индоевропейской фонетике и заменяется синонимами — *blæd*, *mærd*, *hróðr*, *lof* и др. [7, с. 358]. Поскольку все образы скальдической поэзии сосредоточены вокруг понятий «слава, хвала, успех, удача», которые отображались не только как лексемы, но и как эпитеты и кеннинги, и в буквальном и в переносном смысле можно сказать, что «в языке скальдов слова “поэзия” и “слава” — синонимы» [7, с. 480].

В некоторых случаях военная демократия дарит нам еще одну семантику, еще один смысл термина «слава». Это понятие может приобрести функцию информационного маркера для людей, вырванных из хозяйственных связей, озабоченных идеями героических подвигов и желающих испытать себя в военных походах. Как юноши, не желающие ходить за плугом и убирать навоз за коровами, так и почему-либо оставшиеся без работы опытные воины, могли выбирать для себя вождей и дружины, ориентируясь на их репутацию, их славу. В свою очередь вождям была нужна известность и слава для привлечения новых дружинников и, соответственно, для увеличения боевых возможностей своих отрядов.

Разумеется, эта ситуация была возможна только при наличии, говоря современным языком, свободного рынка дружин и потенциальных дружинников. Скорее всего, что-то подобное происходило в эпоху викингов — несмотря на отсутствие достоверных источников, согласно консенсусу в среде историков, скандинавская молодежь стояла в очередь к наиболее успешным ярлам. Противоположную ситуацию мы видим в доисламской Аравии — жесткая кланово-племенная структура бедуинов превратила взаимные набеги и грабежи в обязательный ритуал, выполняющийся регулярно и по расписанию. Одиночки, не находящиеся с кем-либо в родственных отношениях (арабы очень хорошо знали свою генеалогию), были не нужны — кланы выращивали собственных бойцов. Возможно, это одна из причин малой распространенности понятия «слава» в арабской поэтике.

Но в отличие от арабов, понятие «слава» явно использовалось в славянской военной демократии и, как мы покажем, легло в основу самого этнонима «славяне». Вырванный «Великим переселением народов» из племенной структуры славяноязычный люд, если перед

¹⁷ Наличие в древнегреческом целого пласта лексем на κλ* со значением «издавать звуки» (κλαγγάινω «лягать», κλαγγάνω «кричать», κλαγγή «шум, пение, вопль, вой», κλάζω «шуметь, свистеть, визжать, скрипеть», κλαίω «плакать», κλήσις «зов», κλητήρ «глашатай») говорит о том, что в ранних греческих диалектах слова с этим корнем означали не только получение информации, но и передачу информации. Это же явление проявляется и в санскрите — понятие śravaṣa означает не только «слава», но и «звук, зов, призыв».

¹⁸ Интересно отметить, что в сатемных балтских языках понятие «слушать» (литов. klausyti, латв. klausities) является кентумным.

¹⁹ В гимнографиях на семитских языках понятие «слава» (араб. مجد, *mujda*, لمجدا *almajd*, ивр. תִּפְעָרֶת *тифьэрэт*) не является доминирующим. В Коране активно используется понятие «хвала» (араб. مدح *madh*, الحمد *alhamd*, ивр. כָּבַד *шевах*) — вторая фраза первой (Открывающей Книгу) суры звучит как *alhamd lilah rabi alealamin* «Хвала Аллаху, Господу миров». В книге Иисуса Навина, описывающей период иудейской военной демократии, употребляется словосочетание «תִּבְרַךְ הַיְהוָה», кавод Яхве, буквально «честь Иегове», которое принято переводить на русский как «слава Господу».

ним вставала задача примкнуть к какому-либо коллективу и был выбор, мог ориентироваться только на информацию, на молву, на славу этого коллектива.

3. Славяне как носители языка «слава»

Гипотеза о происхождения самоназвания славян от лексемы «слава» основана на омофонии этих слов и на нашей реконструкции поведенческих стереотипов и культурно-ментальной картины мира праславянских коллективов, находящихся в состоянии военной демократии. Для того, чтобы превратить эту гипотезу в аргументированную теорию, рассмотрим дополнительные лингвистические и исторические тезисы.

Тезис 1 — Наличие в готском языке глагола *slawan* в значении «молчать, сохранять тишину»²⁰ хорошо иллюстрирует парафраз «немые — немцы», но уже с точки зрения готов. У этой лексемы не прослеживается никакой этимологической связи не только с готскими терминами с близкой семантикой (*dumbs* — «немой» Матфей 9–33, Лука 1–22), но и с аналогичными германскими (англосакс. *stillness*, *swige* — неподвижность, тишина, покой) и индоевропейскими терминами. Но фонетическая и семантическая связь со славянским понятием «слава» очевидна. Для готов носители праславянских диалектов были «молчуны», не говорящие на их языке.

Тезис 2 — Согласно ряду источников коллективы с праславянской лексикой занимали устойчивое положение в социуме гуннов. Само название славяноязычного племенного объединения антов на всех доступных на сегодня тунгусо-маньчжурских языках и монгольском языке имеет прозрачную этимологию: монгол. *анд* — «друг»; нанайск. *анда* — «дружить», *андар* — «друг, подруга, любовник, любовница»; удэгейск. *анда* — «друг»; эвенк. *анда* — «друг, знакомый, попутчик».²¹ Здесь явно просматривается информация о языковом генезисе гуннов — очевидна их связь с теми хунну/сюнну, которые терзали Китай со II в. до н.э. по II в. н.э. со стороны Маньчжурии и монгольских степей. Дружба гуннов с носителями праславянских диалектов обусловлена тем, что гунны разгромили Черняховскую культуру, в рамках которой готы уничтожали (общеизвестна история Иордана о казни антского вождя Боза,

²⁰ Лука 8–24: «duatgaggandans þan urraisidedun ina qibandans: talzjand, fraqistnam! iþ is urreisands gasok winda jah þamma wega watins; jah anaslawaidedun jah warþ wis» (И, подойдя, разбудили Его и сказали: Наставник! Наставник! погибает. Но Он, встав, запретил ветру и волнению воды; и перестали, и сделалась тишина).

Лука 19–40: «jah andhafjands qaf du im: qifa izwis þatei jabai þai slawand, stainos hropjand» (Но Он сказал им в ответ: сказываю вам, что если они умолкнут, то камни возопиют).

Марк 4–39: «jah urreisands gasok winda jah qaf du marein: gaslawai, afdumbn! jah anasilaida sa winds jah warþ wis mikil» (И, встав, Он запретил ветру и сказал морю: умолкни, перестань. И ветер утих, и сделалась великая тишина).

Марк 9–34: «iþ eis slawaidedun; du sis misso andrannun, hvarjis maists wesi» (Они молчали; потому что дорогою рассуждали между собою, кто больше).

Тимофею 1, 2–2: «fram þiudanam jah fram allaim þaim in ufarassau wisandam, ei slawandein jah sutja ald bauaima in allai gagudein jah gariudja» (за царей и за всех начальствующих, дабы проводить нам жизнь тихую и безмятежную во всяком благочестии и чистоте).

Мы приводим эти тексты из Библии Вульфила, чтобы продемонстрировать, что это слово употребляется не только как глагол в инфинитиве, но и как отглагольные существительные и прилагательные. Этот факт, а также напластование префиксов и суффиксов, указывает на древность этого термина в готском языке.

²¹ Иные варианты этимологии этнонима «анты» маловероятны. Встречающаяся в литературе трактовка этого слова от тюркского *ant* — «клятва, присяга» является очевидным анахронизмом, в 375 г. носители ранних тюркских диалектов только начинали миграцию из зоны своего глотто- и этногенеза на Алтае. Первые тюркские диалекты придут на восточные границы Византии вместе с протоболгарскими племенами (кутригурами, оногурами, утигурами) и аварами через две сотни лет, в 550–560-е годы.

его сыновей и его старейшин [2, с. 114–115, Гетика §247]) и поработали (синкопа «раб» от слова «работа» возникла, скорее всего, именно в Черняховской культуре) праславян.

В 448 г. византийскую делегацию к Аттиле угощали хмельным напитком с названием μέδος²², вряд ли можно сомневаться в славянской этимологии этого понятия. Похоронный пир после смерти Аттилы в 453 г. носил вполне славянское название *strava*²³ [2, с. 161, Гетика §258], что говорит о доминировании носителей праславянских диалектов в его окружении. Эти ссылки ставят естественный вопрос о дифференциации праславян на миролюбивую и воинственную²⁴ компоненты и об их идентичности, самоназвании и стороннем названии. С одной стороны, оба процитированных выше источника указывают на миролюбивость части праславян, которые занимались, говоря современным языком, снабжением и тыловым обеспечением. Но, с другой стороны, очевидно, что в гуннском социуме с его идеалами экспансии и военных побед повара, снабженцы и сельхозработники не могли оказаться в верхних стратах, в ближайшем окружении Аттилы. Там могли быть только опытные и заслуженные военачальники, руководящие отрядами праславян, которые сражались плечом к плечу с другими подразделениями армии гуннов в «Битве народов на Каталунских полях» (451 г.) и в других сражениях. Но ни гуннской идентичности, ни какой-либо иной родо-племенной идентичности у этих праславян не было. В «Гетике» Иордана упоминается, что на момент написания этой книги в середине VI в. славяноязычные социумы «свирепствуют всюду»²⁵, однако столетием ранее, среди народностей, участвующих в битвах за наследие Аттилы в 453–470 гг., анты, склавины и веныды не упоминаются²⁶ — тогда, без своей собственной этнической идентичности, они были «невидимками» для Иордана.

Вырванные бурными событиями «Великого переселения народов» из своих родо-племенных связей и полностью потерявшие прошлую идентичность, праславяне выделялись только своим языком, который, как мы указывали выше, получил название «слава». Как называли их гунны и готы? Судя по готскому глаголу *slawan*, использовались лексемы от корня «слав*». Как называли себя сами праславяне в гуннских и готских социумах? Скорее всего, точно так же — люди славы, славены.

Тезис 3 — В фонетической кальке при передаче самоназвания славян на греческий язык в этнониме Σκλαβηνοί достаточно четко просматривается конструкция «люди славы». Поскольку сочетание фонем σλ* в начале слова было неприемлемо для греческой артикуляции, этот этноним явно представляет собой контаминацию двух изоглосс — славянского термина «слава» и его кентумного аналога, греческого термина κλέος с тем же значением [12, с. 30–31].

²² «ἐχορηγοῦντο δὲ ἡμῖν κατὰ κόμας τροφαὶ ἀντὶ μὲν σίτον κέγχρος, ἀντὶ δὲ οἶνον ὁ μέδος ἐπιχορῶως καλοῦμενος. Ἐκομίζοντο δὲ καὶ οἱ ἐπομίνοι ἡμῖν ὑπέρεται κέγχρον καὶ τὸ ἐκ κριθῶν χορηγοῦμενοι πόμα κάμον οἱ βάρβαροι καλοῦσιν αὐτό» (В селениях нам доставляли пищу, вместо пшеницы просо, а вместо вина медос, называемый так по туземному. А также следовавшие за нами слуги получали просо и снабжались напитком из ячменя «камон» как называли его варвары.) [2, с. 84–85].

²³ Этот термин явно имеет праславянскую этимологию, но не вошёл в общеславянскую лексику. Из современных славянских языков это слово присутствует в чешском и словацком (пища, еда, питание, стол, *strávit'* — переварить), белорусском (пища, блюдо) и украинском (кушанье, блюдо, стравохід — пищевод).

²⁴ Праславянские коллективы еще до «Великого переселения народов» и до Паннонского этногенеза не отличались миролюбием — про веныдов в 98 г. н.э. Тацит пишет «Веныды <...> ради грабежа рыщут по лесам и горам, какие только ни существуют между певкинами и феннами» [Germania §46].

²⁵ Id est Venethi Antes Sclaueni; qui quamuis nunc, facientibus peccatis nostris, ubique deseuiunt ... (то есть венетов, антов и славян, которые, хотя теперь свирепствуют всюду, по грехам нашим...) [Гетика, §119].

²⁶ Можно было видеть и гота, сражающегося копьями и гепида, безумствующего мечом, и руга, переламывающего дротики в его ране, и свава, отважно действующего дубинкой, а гунна — стрелой, и алана, строящего ряды с тяжелым, а герула — с легким оружием [Гетика, §261].

Сочетание фонем «-ην-» в греческом этнониме однозначно указывает на то, что сами славяне в начале VI в. называли себя «славены»²⁷, люди славы.

Тезис 4 — Закономерен вопрос о соотношении понятий «слава» и «слово», «славяне» и «словены». Здесь просматриваются два аспекта: один формально фонологический и второй культурно-иносказательный — употребление синонимов с близкой семантикой. С фонологией все достаточно просто: до VII в. в праславянских и раннеславянских диалектах отсутствовала фонема «о», вместо нее стояла фонема «а» в ударном и безударном положении [13, с. 5–6]. Лабиализация «а» → «о» началась примерно с VII–VIII вв., и к появлению славянской письменности во второй половине IX в. понятия «слава» и «слово» разошлись и фонетически и семантически. Что касается культурно-лексического аспекта, то семантическая близость понятий «слава» и «слово», даже если они передаются фонетически далекими лексемами, типична для поэтики военной демократии. Давно отмечено, что и в поэмах Гомера²⁸, и в скальдической поэзии [7, с. 358] эти понятия часто выступают как синонимы.

Эти понятия имели близкую фонетику и семантику не только в праславянских диалектах и раннеславянских языках, но и в другой, иранской ветви сатемных языков. В Авесте, среди многочисленных синонимов к современному общеславянскому понятию «слово», есть термин *sravā*: (*vīspa sravā zaraθuštri yazamaidē* — все слова зороастрийские почитаем мы) [15, с. 64–65]. Лексема «слава» в авестийском фонетически очень близка к лексеме «слово»: (*zazə.buye vanhāusa mižde vanhāusa sravahi urunaēsa darəye havanhe* — чтобы получил я благу награду и добрую славу, а для души своей долгое благоденствие) [15, с. 148–149].²⁹ В других сатемных языках, санскрите и балтских языках, такой фонетической близости понятий «слава» и «слово» нет, поэтому употребление понятия «слава» в значении «язык общения» разделяло носителей праславянских диалектов и носителей протобалтских диалектов.

Антитеза. Согласно правилам классической риторики, доказательные рассуждения должны строиться в соответствии с триадой «тезис — антитезис — синтез». В качестве антитезы для нас естественно выбрать современные попытки вывести самоназвание славян из терминов древней ономастики или случайных слов, упоминаемых в источниках I–VI вв. н.э. В текстах Плиния-старшего (середина I в. н.э.) [2, с. 18–36] и Тацита (вторая половина I в. н.э.) [2, с. 37–45] из несомненно славяноязычных этносов упоминаются только венеды, фонетику других приводимых ими этнонимов, топонимов и гидронимов трудно сопоставить с этнонимом «славяне».

Но в одном из текстов Плутарха (середина II в. н.э.) [2, с. 54–55] говорится, что рядом со скифами и аланами живут *суобены* (Σουβηνοί), что вызвало сомнительное построение со стороны основателей славистики XIX в., Шафарика и Нидерле — Σουοβηνοί ← Σλοβηνοί ← *slovene [2, с. 61]. Эту реконструкцию можно рассматривать как курьез — она противоречит всему, что мы на сегодняшний день знаем о праславянах и славянах. Как сказано в предыдущем тезисе, фонемы «о» не было в праславянских диалектах и раннеславянских языках.

²⁷ Мы не беремся обсуждать морфологические и семантические характеристики общеславянского форманта -ень (корень, камень, пень, тень, гребень и т. д.). В данном конкретном случае этот формант выступает как обычный суффикс, аналогичный по словообразовательной функциональности суффиксу -ин в современном русском языке (горох — горошина, баран — баранина, седой — седина, царапать — царапина, Грузия — грузин). В тот период времени в славянском языке действовал закон открытого слога и термин «славен» в единственном числе должен был заканчиваться на гласную, «славѣнь» в дореволюционной орфографии. Но что за гласная скрывалась в VI в. за твердым знаком (до падения еров было еще далеко) неясно.

²⁸ [14, с. 68, 78]. Отметим, что если аналогия «κλέος» = «λόγος» носит культурно-иносказательный характер, то, например, для лексемы φήμη базовой семантикой было «слово, речь» (ὡς φάτο χαῖρε δὲ φήμη — так он сказал, и словам обрадовался), а одной из дополнительных семантик — «слава» (τὸ ἔργον καὶ ἡ φήμη — подвиг и слава).

²⁹ См., также [16, с. 169], где приводятся ирано-славянские изоглоссы.

Превращение l в ł (произносящееся как губное w) характерно только для польского и лужицкого языков и возникло, судя по передаче фонетики полонизмов в латинских, германских и русских источниках, относительно поздно, в середине II тысячелетия.³⁰ С этногеографической позиции никаких славян и праславян рядом со скифами, сарматами и аланами, судя по археологии и гидронимике, не было и быть не могло. Но если для «романтического периода славистики» XIX в. такое незнание, вообще говоря, естественно, то поддержка этой этимологии со стороны ведущих советских лингвистов конца XX в. [2, с. 61] вызывает недоумение.

Попытка Прокопия Кесарийского возвести генезис антов и склавинов к придуманному им этнониму *спорои* (Σπόροις), «рассеянные» [2, с. 184–185] не комментируется из-за очевидной лингвистической неадекватности, тем более что связь этого слова с этнонимом Σκλαβηνοί он не предлагает.

Также трудно обойти вниманием фейковые построения о самоназвания славян, принадлежащие Якову Бачичу³¹ и Омеляну Притцаку³², на которые иногда ссылаются в околоисторической литературе. Сюда же следует отнести монографию Флорина Курты³³, вокруг оригинальных идей которого уже образовалась группа поклонников на кафедрах славистики ряда университетов.

³⁰ Первый текст на старопольском, где L и Ł различаются в написании — орфографический трактат Якуба Паркошовица, написанный около 1440 г. Зафиксирован только фонологический переход общеславянской L в Ł, обратный переход W в L не известен. А по логике этой этимологии именно слово Σουβηνοί из II в. н.э. должно было видоизмениться в самоназвание «словене», появившееся со славянской письменностью во второй половине IX в., т. е. дифтонг «ou» должен был превратиться в L.

³¹ Бачич [17] утверждает, что река Zala, впадающая в о. Балатон, раньше называлась «Slava» и выводит из этого гидронима имя славян. Для обоснования своей гипотезы он использует методы «народной этимологии», произвольного манипулирования фонемами, с помощью чего можно обосновать любое филологическое построение. Первая фонема в названии венгерской реки, согласно Бачичу, в раннеславянском звучало как «S», первая гласная синкопировалась (We must further postulate that in fast speech the first vowel was either not audible or it was dropped ... [17, p. 37]), в конце слова пришиваются фонемы «*ava», которые, с точки зрения Бачича, означают «текущую воду». Отсюда, по Бачичу, в раннеславянском эта река должна была иметь название Slava, а окрестные жители — «славы». Научной дискуссии на таком уровне аргументации быть не может, но чтобы показать некорректность и абсурдность этих построений, применим их к существующему во всех славянских языках слову «луна». Вставляем притяжательный предлог-префикс «C», который указывает на то место, откуда явился субъект, синкопируем (по Бачичу) сочетание фонем «ун» и пришиваем в конце слова (по Бачичу) сочетание фонем «*ava», характеризующих (по Бачичу) течение воды. Получаем «луна» → «слуна» → «сла» → «слава», т. е. «славы» — это те, кто приплыл, в смысле прилетел, с луны.

³² О. Притцак выводит этноним «склавы» от реконструированного им аварского корня «saqla*» в значении «наблюдающий, контролирующий, защищающий» [18, p. 405–407]. Подобные слова есть в современных тюркских языках (в турецком saklama — «охрана, укрытельство», в удмуртском саклык — «внимание, бдительность» и т. д.). Это очевидный банальный анахронизм. Славяне впервые упоминаются Прокопием Кесарийским в 512 г. [2, с. 176–177], а авары упоминаются византийскими летописцами начиная с 560-х.

³³ Ф. Курта вообще отрицает существование самостоятельного этноса славян, называя это собирательной выдумкой византийских летописцев: «What all this suggests, in my opinion, is that the name 'Sclavene' was a purely Byzantine construct, designed to make sense of a complicated configuration of ethnics on the other side of the northern frontier of the Empire» [19, p. 118–119]. Лингвистический и этимологический анализ имени 'Sclavene' Курта не проводит, ведь это, по его мнению, «Byzantine construction». О том, что славяне оставили свой след не только в византийских летописях, но и в топонимике на территории Греции, Курта не знает, с обзором Фасмера [20] о славянской ономастике в Греции он не знаком, в списке литературы этой книги нет. Из его оригинальных идей можно отметить отрицание славянской миграции VI–IX вв. [19, p. 307], с монографией Топорова и Трубачева по гидронимике Поднепровья [21], где убедительно доказывается миграция славян на эти территории, он также не знаком. Поэтому мы рассматриваем идеи, изложенные в монографии Курты, как существенно выходящие за рамки научной парадигмы.

Синтез. Вышеприведенные соображения однозначно восстанавливают следующую историческую и лингвистическую картину. В праславянских диалектах и ранней общеславянской лексике до лабиализации, начавшейся в VII в., полисемантическое понятие «слава» обозначало, в частности, речь³⁴, понятную носителям близких праславянских диалектов. В турбулентных миграциях «Великого переселения народов» при контактах и столкновениях незнакомых социумов, говорящих на разных языках, это понятие фактически было маркером и названием языка общего для праславянских коллективов. После смерти Атиллы и распада его державы праславяне были вовлечены в достаточно кровавые битвы за дележ его наследства. Несмотря на то, что формальными победителями были признаны гепиды [Гетика §262], занявшие земли вокруг ставки Атиллы, многие косвенные свидетельства говорят о том, что праславяне поддержали остроготовов:

- Судя по тому, что после этих битв Паннонская долина досталась остроготам [Гетика §264], а этногенез славян позже состоится именно в Паннонской долине, праславяне в своей массе помогали готам, которых тогда возглавляли три брата-короля — Валамир, Тиудомир и Видемир;

- В конце 460-х гг. готы одержали ряд крупных побед над окружающими народностями. В 469 г. в битве на реке Болии они победили целую коалицию племен — свавы, скиры, гепиды, герулы, руги [Гетика §277–279]. Из общевоенных соображений можно предположить, что готы были не одни, у них должны были быть союзники — народ молчунов, будущие славяне;

- Забегая вперед, скажем, что в славянской среде станут очень популярны составные имена со второй частью *-мир* (Драгомир, Властимир, Владимир и т. д. [12, с. 185]). У этой второй части имен отсутствует славянская этимология (вряд ли в годы военной демократии кто-то будет хвастаться миролюбием), но очевидна связь с дренегерманскими составными именами, оканчивающиеся на *-mir/-mer/-mar*, что означает «знаменит первой частью своего имени».³⁵ Все указывает на то, что битвы в Паннонии под руководством готских королей с именами на *-mir* стали для славян культовым героическим эпосом, славянская княжеская антропонимика на *-мир* стала престижной доминантой.

После того, как в районе 470 г. сын Тиудомера Теодорих, будущий Теодорих Великий увел остроготовов из Паннонской долины в Далмацию, у славяноязычных коллективов начался этногенез и они начали ощущать себя самостоятельным народом. Поскольку готы на протяжении всей своей истории, судя по всем источникам³⁶, пребывали в состоянии военной демократии, то можно однозначно утверждать, что они оставили своих соседей и союзников по оружию — народ молчунов/славян в Паннонии — именно в таком же «взвинченном» и «воинственном» состоянии. Сверхновая звезда славянского этногенеза зажглась именно в

³⁴ Ряд лингвистических соображений, выходящих за рамки настоящего материала, дает основания предположить, что язык «слава» являлся внутренним пиджином и лингво-франко Восточной Европы задолго до начала «Великого переселения народов», позже его лексика ляжет в основу Common Slavic.

³⁵ Впоследствии славяне создадут свою антропонимику на *-слав* как семантическую кальку готских *-mir*'ов — Бронислав славен подвигами на поле брани, Владислав славен своей властью, Ярослав славен солнцем (ярило) и т. д.

³⁶ Обращает на себя внимание пренебрежение Иордана к «малым готам» (*Gothi minores*), «бедным и невоинственным» (*paupera et inbellis*), принявшим христианство и отвергнувшим героизм военной демократии [Гетика §267]. В противоположность этому и визиготов и остроготовов с их воинственностью Иордана считает героями и храбрецами. То, что остроготы сохранили нравы военной демократии в последующий италийский период, свидетельствует зарисовка Прокопия Кесарийского о методах разрешения конфликтов в их среде в районе 540–541 гг.: «Когда Ильдибад, протянув руку за кушаньем, склонился с ложа над столом, Велас неожиданно ударил его мечом по шее, так что пальцы Ильдибада держали еще пищу, а голова его упала на стол» [22, с. 265].

Паннонии и новый, неведомый ранее народ славян получил известность умелых и профессиональных воинов. Византийский полководец Велизарий, при битвах с готами в Италии в 539 г. пользовался услугами отряда воинов-славян [2, с. 176–179]. Ант Дабрагез во время войны Византии с Сасанидами в 555–556 гг. занимал высокий пост в византийских войсках [2, с. 294–295]. Начиная с первых десятилетий VI в., славяне начинают терзать Византию своими мародерскими набегами.³⁷ По мере становления и развития славянской военной демократии смысл понятия «слава» стал изменяться, теряя первоначальную лингвистическую семантику и приобретая современное значение «хвала», «почет», «уважение» в адрес славянских военных отрядов и славянских военных успехов.

4. «Слава» как «хвала героям» и славянская идентичность

Вся доступная нам информация о славянской экспансии VI в. рисует стандартную классическую картину ранней военной демократии. Внешне бессмысленная жестокость при нападениях и частое демонстративное уничтожение добычи³⁸ говорят о том, что вернувшиеся в родные деревни бойцы хвастаются количеством своих жертв и описывают их мучения, зарабатывая себе репутацию/славу у соплеменников. Об этом же говорит сменяемость и ссоры славянских вождей³⁹ — в конкурентной среде должны были выжить сильнейшие. Мы мало что знаем о социальной группе поэтов и певцов, расхваливающих удачливых вождей и дружинников⁴⁰, но в такой ситуации напрашиваются типологические параллели с более известными проявлениями военной демократии в других этносах. В славянском языке должна была сформироваться хвалебно-поэтическая глосса с расширенной лексикой⁴¹, аппаратом

³⁷ Первые нападения славяноязычных антов на Византию относятся к 517–518 гг., Прокопий упоминает нападения «антов, живущих поблизости от склавинов» на придунайские владения Византии [2, с. 197, 241]. Переход антов к военной демократии произошел раньше, чем у Паннонских славян, скорее всего также при дележе наследия Аттилы. Агрессия Паннонских славян уже под своим именем как склавинов фиксируется десятилетием позже. Прокопий пишет, что Юстиниан, ставший императором в 527 г., на четвертый год своей власти назначает Хилбудия (Χιλβούδιος) военачальником над Фракией ... поставил для охраны реки Истр, приказав следить, чтоб для тамошних варваров река была более непреходима, потому что уже часто, совершив там переправу, гунны и анты и склавины творили ромеям ужасное зло ... [2, с. 178–181].

³⁸ Прокопий Кесарийский в середине VI в. описывает нападения славян на Византию: «Убивали же они тех, кто им попадался, не мечом, не копьем и не каким-либо другим привычным способом, но очень крепко вбив в землю колья и сделав их весьма острыми, с большой силой насаживали на них несчастных, направляя острие кола между ягодицами и вгоняя вплоть до внутренностей человека — вот на какую смерть они их обрекали. Кроме того, вкопав в землю на значительную глубину четыре толстых столба, привязывая к ним руки и ноги пленных, а потом непрерывно колотя их дубинами по голове, варвары эти убивали людей наподобие собак, змей или другого какого животного. А иных они, запирая в сараях вместе с быками и овцами, которых не могли угнать в родные места, безо всякой жалости сжигали. Так склавины всегда убивали всех, кто им встречался» [2, с. 193–194].

³⁹ Текст Псевдокесария «...живут в строптивости, своенравии, безначалии, сплошь и рядом убивая за совместной трапезой или в совместном путешествии своего предводителя...» [2, с. 254] можно трактовать не столько как наблюдение над славянами, а, скорее, как описание антагонистов законопослушных православных ромеев. Но император Маврикий сам водил войска на рубеже VI и VII вв. на терзавших империю склавинов и антов, соответственно его наблюдение «...у них много вождей и те не согласны друг с другом...» [2, с. 374–375] достаточно точно отражает реальность.

⁴⁰ В самом начале 590-х охраной императора Маврикия были схвачены три славянина, из имущества которых были только кифары [23, с. 15–17].

⁴¹ Разумеется, мы не знаем текстов песен, в которых поэты-песняры расхваливали военные подвиги славянских бойцов и их вождей. Но для того, чтобы проиллюстрировать изменение лексики с целью попадания в силлабическую гармонию, можно обратиться к стихам Пушкина, которому не хватало выразительных свойств русского языка начала XIX в., и он заимствовал лексемы из церковнославянского, т. е. древнеболгарского. Здесь «златая (а не золотая) цепь на дубе том», «град (а не город) Петров», «родился на берегах (а не берегах) Невы» и т. д. Идентичность семантики, близость фонетики, но меньшее число слогов (древнеболгарский, как известно, не обладал восточнославянским полногласием) позволяли Пушкину строить достаточно легкие и выразительные стихи.

синонимов, с измененной морфологией и фонетикой. С точки зрения социолингвистики, как уже говорилось выше, в рамках культурно-ментальной картины мира военной демократии говорить на этой глоссе было престижно, и она через достаточно короткое время подчинила себе весь раннеславянский язык.

Вряд ли можно объяснить славянскую экспансию VI–IX вв. только одной причиной, здесь можно упомянуть и высокое демографическое давление в Паннонии (Маврикий отмечал высокую плотность населения славян) и агрессивные действия авар, но хотелось бы выделить один фактор, который мы считаем доминирующим.

Каковы враги древнегерманских племен в I–III веках? В первую очередь — их соседи, другие германские племена. Нападения на Рим до 245 г. (совместной экспансии франков и алеманов в Галлию и Испанию) были относительной редкостью. Кем были враги бедуинов V–VI веков в Аравии? Другие бедуинские кланы. Кем были враги скандинавов в Вендельский период? Другие скандинавские социумы. С кем враждовали ирокезы, гуроны и делавары? Друг с другом и с другими североамериканскими индейцами. Отсюда очевиден вывод: поскольку военная демократия обладает теми закономерностями, что слава, доблесть и удача добывается в первую очередь в схватках с соседями, враги славян V–VII веков — в первую очередь соседние славяноязычные народности. Становление военной демократии и поиск воинской славы неминуемо должно было привести к тому, что эта слава поначалу искалась в столкновениях не с далекими противниками, не с Византией или германоязычными социумами, а с ближайшими соседями, во внутриславянской среде.⁴² Таким образом, напрашивается естественная гипотеза, что радиально-диффузная миграция славян от Паннонской долины по всем направлениям обусловлена, в первую очередь, бегством славянских общин-неудачников от других, более агрессивных и удачливых в военном плане славянских коллективов. При сравнении различных групп мигрантов по положению на шкале «агрессивность — миролюбивость» вырисовывается весьма пестрая картина, заматающая весь спектр мыслимых ситуаций. Мы видим достаточно много мигрирующих коллективов, исповедующих агрессивные идеалы военной демократии, этим отличаются все племенные объединения, переселяющиеся в южном направлении, на Балканы, их славянская идентичность несомненна. Мы видим элементы мирной сельскохозяйственной экспансии в поисках лучшей пашни — ряд славянских общин, поднимаясь по течению Дуная, попадают в зависимость к баварским феодалам [23, с. 429–438]. Мы видим и промежуточные ситуации, когда мигрирующие славянские коллективы, не замеченные в истреблении автохтонов, несут с собой взаимную конфронтацию, явно возникшую ранее, при Паннонском этногенезе (например, исконная вражда ободритов и велетов-лютичей). Трудно предположить, что носители культуры Прага-Корчак, мигрирующие из Богемии на две тысячи километров на восток⁴³, в зону резко континентального климата, искали лучшую пашню — климат Житомирщины (заморозки

⁴² Эти междоусобицы в своей массе ускользали от летописцев, их слабые отголоски есть у Прокопия при упоминании конфликта склавинов и антов в районе 540 г.: «А спустя время анты и склавины, оказавшись в ссоре друг с другом, вступили в сражение...» [2, с. 181].

⁴³ Эта миграция прослеживается по гидронимике Западной Украины, где славяне заимствовали у балтских и финских аборигенов корни названий рек и озер и обрамляли эти названия славянскими суффиксами. Миграция носила миролюбивый характер и явно никак не связана с поиском военных приключений и воинской славы: «Обзор балтийских словообразовательных типов в гидронимике Верхнего Подднепровья, а также анализ разнообразных типов балто-славянского гибридного словообразования <...> дают нам основания для весьма важного, с нашей точки зрения, вывода. Суть его сводится к тому, что балтийский этнический элемент в Верхнем Поднепровье не отступал в сколько-нибудь значительных масштабах к северо-западу по мере продвижения восточных славян к северу. По-видимому, славянское продвижение протекало как естественное постепенное проникновение с ассимиляцией балтийского субстрата...» [21, с. 173].

заканчиваются в мае и начинаются в сентябре) вряд ли способствовал улучшению земледельческих показателей.

Сомнительным выглядит предположение, что они бежали от аваров, археологические данные говорят, что влияние аварского каганата было ничтожно за пределами Паннонской долины, а расстояние от Праги до среднего течения Дуная составляет порядка 400–500 км. Более обоснованным выглядит предположение, что они бежали от агрессивных сородичей. По этим же соображениям сомнительно, что предки полабов, носители Суковско-Дезинской культуры, мигрируя на северо-запад, на заведомо менее плодородные земли, искали лучшую пашню, скорее и они испытывали военное, а не демографическое давление со стороны более агрессивных славянских коллективов.

Неоднородность славяноязычного субстрата позволяет по-новому взглянуть на такую проблему, как славянская этническая идентичность. Многие факторы подсказывают, что достаточно большое количество мигрирующих славяноязычных коллективов, которых грекоязычные и латиноязычные летописцы определяли как Σκλαβηνοί или Sclaueni, просто не знали, что они славяне, т. е. фактически не были славянами.⁴⁴ Действительно, на территории Греции мы видим большое число топонимов на Σθλαβ* и Σκλαβ*⁴⁵, а на территории северо-балканских стран — на Слав* и Slav*. Четкая самоидентификация славян видна из описанного у Феофилакта Симоканты эпизода с допросом славянских музыкантов императором Маврикием — те заявили, что они «по рождению племени славянского» (δέ τό μέν ἔθνος ἔφασαν πεφουκέναι Σκλαυηνοί) [23, с. 14–17]. Первые, дошедшие до нас глаголические и кириллические тексты, говорят о том, что Кирилл и Мефодий, а также их ученики, четко идентифицировали «словенский язык», который обслуживала созданная ими письменность. Но, несмотря на то, что славяне, проживавшие в бассейнах Эльбы и Одера, внесли достаточно серьезный вклад в топонимику Германии [26, s. 487–493], и, несмотря на то, что многие славянские вожди X–XII вв., судя по церковным хроникам, имели общеславянские сложносоставные имена на *slaw⁴⁶, топонимов с корнем *slav*/*slaw*/*slau* в Германии мало. Примерно такую же картину мы видим на северо-западе будущей Руси — племенные объединения, вошедшие в русские летописи как «ильменские словене», мигрировавшие на эти земли в VIII–IX вв., контактируя с финоязычными автохтонами, оставили много славизмов в финском языке [13, с. 6–7].

Но этнического самоназвания «славене» или «словене» среди этих заимствований нет, все то, что связано со славянским и русским языком, в финских диалектах ассоциировано с более древним словом «венды», название страны «Россия» на финском «Venäjä» и на эстонском «Venema». ⁴⁷ Отсюда очевидно, что наименование «ильменские словене» эти коллективы получили только от летописцев после христианизации Руси.

⁴⁴ Трудно не согласиться с одним из составителей «Свода», С.А. Ивановым, который пишет: «Человек может не знать, что он говорит, допустим, на праславянском языке, — достаточно, чтобы это «за него» знал лингвист. А вот с этнической идентичностью не так: если человек не знает про себя, что он славянин, то он и не славянин. Никакого «на самом деле» тут быть не может.» [24, с. 6].

⁴⁵ [20, s. 340]. Нет никакой уверенности, что названия этих поселений были даны самими славянами, скорее наоборот, это греческие названия для славянских анклавов. Первый истинно славянский топоним, Σλαβίνετσα, без каппы или теты между сигмой и лямбдой, встречается у Константина Багрянородного при описании некрещеных славян в Далмации [25, с. 152–153].

⁴⁶ Эти имена отражали не героикку славянских подвигов, а имели эмоционально-нейтральную семантику — славен первой частью своего имени, см. сноску #35 настоящей работы.

⁴⁷ Обращает на себя внимание, что, судя по топонимике Германии, многие славяне, мигрировавшие сюда из Паннонии в VII–VIII вв., придерживались вендской идентичности. В книге Йохима Херрманна приводится множество топонимов с корнем Wend, но, к сожалению, они рассеяны по книге [26].

Эти примеры говорят нам о том, что если четкая самоидентификация славян, оставшихся в Паннонии и мигрирующих на юг, не вызывает сомнений⁴⁸, то славяноязычные коллективы, мигрирующие в северном и восточном направлениях, были, если так можно выразиться, «недославянами». Обладающие письменностью соседи на основании их языка вносили их в свои летописи как Sclauenі или в синкопированном варианте — Sclauі и называли их земли Sclavogum. Но сами члены этих групп не использовали термины «славены/словене» по отношению к самим себе, придерживаясь этнической идентичности, связанной с племенными названиями — ободриты, вагры, кривичи и т. д. и узнали о том, что они славяне, только или от соседей или при появлении славянской письменности.

Все это достаточно убедительно свидетельствует, что этноним «славен» в VII–IX вв. в абсолютном большинстве славянских коллективов потерял оттенок героизма, первоначальную положительную эмоциональную окраску, и стал синонимом современных русских понятий «вор», «мародер», «грабитель». В этом плане говорить о славянском единении, славянской взаимопомощи и идеях панславизма с исторических позиций просто бессмысленно — это фантазии романтиков⁴⁹ XIX в.

Заключение

Один из основных вопросов славистики как же сформировались славяне — как этническое объединение с этнической идентичностью или как совокупность людей, объединенных только близкими языками? Представим на суд читателю свое понимание этой проблемы с основными хронологическими этапами:

- Период с IV в. до н.э. (крах Лужицкой культуры) по II в. н.э. (формирование Вельбаркской культуры и начало экспансии готов). Знакомство праславянских племен друг с другом и с иноязычными народностями — с кельтами и германцами. Формирование оппозиции «немые — немцы» и термина «слава» в значении «язык, на котором разговаривали праславяне». В этот период, в основном на базе полиэтнической Пшеворской культуры, формируется венедская идентичность.
- Период со II в. по 470 г. — активное участие праславян в миграциях и военных распрях германцев и гуннов. Полная потеря былой родоплеменной идентичности, но сохранение лингвистической идентичности «славены» — это те, кто говорит на языке «слава».
- Период с 470 по первую половину VII в. — Панносский этногенез, славянская экспансия, изменение семантики лексемы «слава» на хвалебно-героическую. Формирование этнической славянской идентичности как народа героев, народа победителей.
- Период с середины VII в. по вторую половину IX в. — формирование новых родоплеменных объединений и новой родоплеменной идентичности, частичное сохранение славянской идентичности как исторической памяти об общем прошлом и лингвистической близости языков. Понижение градуса агрессивно-героического самосознания и возвращение от грабежей к плужно-пашенному земледелию.

⁴⁸ Но и в этом случае славянская идентичность была вторичной, а сформировавшаяся после Паннонского этногенеза новая родоплеменная идентичность вытесняла ее и постепенно стала базовой. Например, осаждавшие Фессалоники в VI–VIII вв. славянские племена, согласно «Чудесам св. Димитрия» к первой половине VII в. уже предстают не безликой массой славян, а имеют свои собственные этнонимы — дрогувиты, сагудаты, велегезиты, ваюниты, верзиты [23, с. 124–125].

⁴⁹ Впервые эти идеи были озвучены словацким священником и поэтом Яном Колером (1793–1852), в чьих религиозно-экзальтированных стихах богиня Слава была прародительницей славян.

- Период со второй половины IX в. — постепенная христианизация и политогенез. Формирование идентичности, связанной с образованием славянских государств.

ЛИТЕРАТУРА

1. Морган Л.Г., Древнее общество или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации. Л. Издательство института народов севера ЦИК СССР, 1934. 350 с. Перевод с американского первоиздания NY 1878.
2. Свод древнейших письменных известий о славянах, под. ред. Гиндина Л.А., Литаврина Г.Г., Том I (I–VI вв.), // М. Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1994 — 472 с.
3. Калыгин В.П., Язык древнейшей ирландской поэзии, М. УРСС, 2003, 128 с.
4. Муталова Г.С., «غَزَائِب» как одна из особенностей устных повествований «Айям ал-араб» // Проблемы современного востоковедения: материалы I Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 1–2 июля 2021 г. / Белорус. гос. ун-т; редкол.: В. Р. Боровой (гл. ред.) [и др.]. — Минск: БГУ, 2021 стр. 313–318.
5. Академик Игнатий Юлианович Крачковский. Избранные труды, т. 2, М.-Л., Издательство РАН СССР, 1956, 702 с.
6. А.Б. Халидов, Б.Я. Шидфар, Абу-ль-Фарадж аль-Исфахани. Книга песен. М. Главная редакция восточной литературы, 1980, 671 с.
7. Гуревич Е.А., Матюшина И.Г., Поэзия скальдов. М., Издательский центр РГГУ, 1999, 752 с.
8. Белова А. Г., Введение в арабскую филологию, М., Институт востоковедения РАН, 2003, 66 с.
9. Белова А.Г., Очерки по истории арабского языка. М. Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999, 168 с.
10. Comparetti D.P.A., Der Kalewala oder die traditionelle Poesie der Finnen [Калевала или традиционная поэзия финнов], Halle 1892 — 327 с. — (на нем. языке).
11. Schmitt R., Dichtung und Dichtersprache indogermanische Zeit. [Поэзия и поэтический язык индоевропейского периода] Wiesbaden, 1967, 375 с. — (на нем. языке).
12. Иванов А.О., Слейв? Склавос? Сакалиба? Этюды рабовладельческой и работорговой лингвистики. Европейская работорговля славянами в IX–XIII веках. // СПб, «Свое издательство», 2015 — 217 с.
13. Иванов, А.О. Сатемное и раннеславянское аканье / А.О. Иванов // Мир науки. Социология, филология, культурология. — 2024. — Т. 15. — № 3. — URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/10FLSK324.pdf>.
14. Фрейденберг О.М., Миф и литература древности. Второе издание, исправленное и дополненное. М. Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1998, 800 с.
15. Авеста. Хордэ Авеста (Младшая Авеста), Подготовка авестийского текста, перевод, предисловие, комментарий М.В. Чистякова, СПб, 2005, 382 с.

16. Эдельман Д.И. Иранские и славянские языки. Исторические отношения. М. Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2002 — 231 с.
17. Bačić J., Slav: The Origin and Meaning of the Ethnonym [Славяне: Возникновение и смысл этнонима] // *Slovene Studies*, v. 9, № 1-2, p. 33, 1987 — (на англ. языке).
18. Pritsak O., The Slavs and the Avars [Славяне и авары], in « *Gli Slavi occidentali e meridionali nell'alto medioevo*, Spoleto, 15–21 aprile 1982, t. I», pp. 353–435, *Settimane di studio*, XXX, Spoleto, 1983. — (на англ. языке).
19. Curta F., The making of the Slavs. History and Archaeology of the Lower Danube Region, c. 500–700 [Создание славян. История и археология региона нижнего Дуная в 500–700 гг.], Cambridge 2001, 466 с. — (на англ. языке).
20. Vasmer M., Die Slaven in Griechenland [Славяне в Греции] // *Zentralantiquariat der DDR, Leipzig* 1970 — 350 с. — (на нем. языке), репринт издания 1941 г.
21. Топоров В.Н., Трубачев О.Н., Лингвистический анализ гидронимов верхнего Поднепровья, М., Издательство АН СССР, 1962, 270 с.
22. Прокопий из Кесарии. Война с готами. Пер. С.П. Кондратьева. Издательство АН СССР, М. 1950, 515 с.
23. Свод древнейших письменных известий о славянах, под ред. Г.Г. Литаврина, Том II (VII–IX вв.), // М. Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995, 590 с.
24. Иванов С.А., «В тени Юстиниановых крепостей»? Ф. Курта и парадоксы раннеславянской этничности // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2008. № 2(4). Стр. 5.
25. Константин Багрянородный, Об управлении Империей. Текст, перевод, комментарий, под ред. Литаврина Г.Г. и Новосельцева А.П., М., «Наука», 1991, 496 с.
26. J. Herrmann, Die Slawen in Deutschland. Geschichte und Kultur der slawischen Stämme westlich von Oder und Neiße vom 6. bis 12 Jahrhundert [Славяне в Германии. История и культура славянских племен к западу от Одера и Нейсе с VI по XII век], Berlin 1985, 629 с. — (на нем. языке).

Ivanov Alexei Olegovich

E-mail: lesha-ivanov@yandex.ru

Military democracy — poetry, glory and origin of the Slavs

Abstract. We study typological parallels in societies that are in a state of military democracy. The first thing we pay attention to is the formation of a social group of poets praising the exploits of their warriors. Speaking in poetic glosses becomes prestigious and this, judging by Arabic, ancient Greek, ancient Indian Prakrits, etc., actually leads to the creation of a new language. We also analyze one of the main terms used in laudatory glosses of Indo-European poetics — the polysemantic lexeme «slava». The central point of our reasoning is the justification of the origin of the ethnonym «Slavs» from this lexeme. In addition to the obvious homophony of these words, we consider a number of linguistic factors and historical sources indicating the presence of Slavic-speaking peoples surrounded by the Huns and Ostrogoths. We present arguments that until the middle of the 5th century. the term «slava» denoted the language in which the Proto-Slavic communities spoke within themselves and with each other. The collapse of the Hunnic state after the death of Attila in 453, the wars for his succession, and the departure of the Ostrogoths from the Pannonian Valley in 470 led to the Proto-Slavs, who participated in the wars on the side of the Huns and Ostrogoths and in the economic provision of their troops, gaining ethnic independence as «Slavens», i.e. «people of glory». The formation of Slavic military democracy led to a change in the semantics of this ethnonym from formally linguistic to laudatory and heroic. We also touch upon the issue of Slavic identity and show that some Slavic-speaking communities learned that they were Slavs only after acquiring writing.

Keywords: military democracy; glory; proto-Slavs; Huns; Ostrogoths; Slavs; ethnic identity